

Рудольф Штайнер
Плоды Антропософии
Из GA 78: Антропософия, ее основные познания и жизненные плоды

лекция № 3

Лекция прочитана в Штуттгарте 5 сентября 1921 г.;
(пер. с англ.)

Наиболее важный вопрос современной интеллектуальной жизни, который отбрасывает свою тень на всю культурную жизнь в целом и ощущается в настоящее время многими в их чувствах, возможно решить, или, хотя бы, попытаться решить, только с помощью метода, который ведёт к сверхчувственному восприятию, - от обычного восприятия материальных вещей к Имагинации, Инспирации и, наконец, Интуиции. Этот наиболее важный вопрос должен возникать в любой непредвзятой душе, у любого, кто, имея внутреннюю цельность, испытывает неподдельный интерес к природе человека. С одной стороны, душа должна вплотную подойти к рассмотрению моральных, этических взглядов, распространённых в настоящее время, с другой стороны она должна принять во внимание взгляд на жизнь с точки зрения сегодняшней науки, точки зрения, которая заслуживает должного признания. Этическая и моральная жизнь сталкивает нас сегодня с насущными вопросами по той самой причине, что в наше время этические вопросы это, в то же время, и социальные вопросы, а социальный вопрос каждым человеком ощущается как насущный.

Давайте посмотрим как существующий мир представляется сознанию в современном мышлении на основе научного знания. Настоящая наука, настоящее исследование природы стремится понять природные явления как являющиеся по необходимости, т.е. в их причинных началах. И эти причинные начала, эту необходимость следует применять ко всему, что находится в мироздании, включая человека. Если мы хотим понять человека с помощью современной науки, мы применяем к нему, как само собой разумеющееся, те методы обретения знания, которыми мы обычно пользуемся для природных явлений, находящихся вне человека. Затем мы создаём более или менее смелые гипотезы для того, чтобы расширить то, что наука открыла в отношении природы, поддающейся нашему наблюдению, на космические факты и природу вселенной. На основе идей, сформированных наукой, развиваются гипотезы о начале и конце земли. Используя такой научный подход, мы приходим к тому, что мы должны будем сказать себе, если только мы последовательны в своих методах: мы не должны останавливаться и когда дело доходит до свободы человека. Я уже давал некоторые ссылки на проблему, с которой мы здесь сталкиваемся.

Каждый, кто, исходя из определённого стремления быть последовательным, пытается найти формализованную, обобщённую систему объяснения мира, обнаружит, что он должен будет выбирать между предпосылкой свободы, которая дана эмпирически, в непосредственном человеческом опыте, и, с другой стороны, необходимостью, свойственной всему. Вследствие привычек мышления и восприятия, в которых люди воспитывались на протяжении последних столетий, он сделает выбор в пользу данной природой необходимости. Он будет иметь

переживание свободы, но объявит это иллюзией. Он распространит влияние сферы абсолютной необходимости на самые внутренние и глубокие аспекты человеческой природы, так что человек окажется полностью опутанным коконом, сплетённым детерминированной наукой неизбежностью. То же самое будет сделано в отношении гипотетических идей, касающихся начала и конца Земли. Законы, открываемые физикой, химией и т.д., используются для создания таких теорий как теория скопления пыли или теория Канта-Лапласа о происхождении Земли. Второй закон термодинамики используется для создания теорий о тепловой смерти, которая ожидает Землю в конце её существования.

Таким образом мы можем касаться даже самых глубоких аспектов человеческой природы и отдалённых уголков вселенной, применяя подход, который, без сомнения, доказал свою полезность в новое время в том, что касается разъяснения явлений природы, явлений, которые нас окружают в мире, где мы находимся между рождением и смертью. Но когда мы в некоторой степени задумываемся над собой и спрашиваем себя, в чём истинные значение и достоинство человека, какова на самом деле ценность человека, тогда мы обращаем своё внимание также к моральной сфере, сфере, ответственной за моральные и этические побуждения нашего сознательного разума. Мы ощущаем, что формы существования, действительно достойной называться человеческой, можно достичь лишь следуя этическим идеям, идеям, которые мы осознаём и пропитываем религиозным чувством. Мы не можем называться людьми в настоящем смысле слова, если мы не задумываемся при этом о наших внутренних побуждениях, называемых нами моральными, побуждениях, которые вливаются затем в жизнь общества. В этих побуждениях заметно живое движение того, что мы называем божественным элементом мироздания. Однако, для каждого, кто сегодня честно принимает точку зрения, которая позволила бы понять порядок вещей в природе, основываясь на механистике и причинности, на необходимости, не может быть никакого мостика от этого природного порядка - а определённая честность в нашем мировоззрении побуждает нас включить также и человека в этот порядок - к порядку моральному, тому порядку, с которым человек связывает всё своё значение и достоинство, всю свою ценность.

Совсем недавно, однако, развилась тенденция представлять вещи таким образом, будто этого разрыва между двумя существенными элементами нашей человеческой природы не существует. Говорится, что термин "научный" может применяться только там, где совершается попытка понять мир, включая человека, начало и конец мира, с точки зрения естественной необходимости. С этой точки зрения ничего нельзя признать обоснованным, если это не вписывается без противоречий в систему мыслей, представляющую этот естественный порядок. Ну а помимо этого устанавливается сфера, где действует другой вид определённости - определённости веры. Мы обращаемся к моральному свету, который сияет в нас и говорим себе: "Никакое научное знание не может каким-либо образом подтвердить значимость этой моральной сферы; человек должен сам найти достоверность в вере; он должен признать эту область, исходя из субъективного элемента, чтобы быть каким-то связанным со сферой, несущей в себе поток моральных императивов".

Многие люди, несомненно, почувствуют себя увереннее, разложив аккуратно с одной стороны то, что можно узнать, а с другой стороны то, во что нужно верить.

Возможно, такое разделение приносит некоторую уверенность в жизни, чувство определённости в жизни. Но если мы попытаемся погрузиться глубже - с помощью не одностороннего мышления, а всего, что наше мышление может пережить, подключив целый ряд качеств, присущих человеческой природе - тогда мы должны будем прийти к следующему. Тогда мы должны будем сказать себе, что если сфера естественной неизбежности действительно является такой, как мы привыкли её себе представлять в течение последних столетий, тогда нет никакой возможности сохранения моральной сферы. Это следует сказать, поскольку в этой моральной сфере попросту нет очевидных доказательств того, что она способна превозмочь сферу естественного порядка. Рассмотрите, хотя бы, идею, которая с определённой внутренней закономерностью должна была развиваться из концепции энтропии - я хочу подчеркнуть: должна была развиваться - что однажды все формы энергии на земле превратятся в тепло, а это тепло не сможет перейти в другие формы энергии и это приведёт к тепловой смерти Земли. Честное мышление, придерживающееся привычных путей, присущих новому времени, а, следовательно, и принципа причинности, не сможет сказать ничего другого кроме того, что эта Земля, подверженная тепловой смерти, является огромным полем битвы, усеянным трупами не только всего человечества, но и всех моральных идеалов. Согласно точке зрения, считающей естественную необходимость единственно обоснованным принципом, они должны будут исчезнуть в состояние небытия.

В человеке, который смотрит на мир непредвзятым взором, это порождает чувство того, что он лишается уверенности в моральном миропорядке. Это неизбежно приводит его к тому, что он начинает смотреть на мир двойственным образом, так что он только и может сказать: "Моральные идеалы возникают из сферы естественной неизбежности как пузыри и пена, и, так же как пузыри и пена, моральные побуждения исчезнут". Получается, что внутренний элемент, связанный с значимостью и достоинством человека, не принимается как имеющий собственное бытие, а становится только частью философии, основанной на признании только естественной неизбежности. Как я уже сказал, возможно формально отделить научное знание от веры, но как только утверждается такая определённая веры, наука должна подвергнуть её тщательному рассмотрению, и результатом становится то, что определённая веры не может дать внутренней уверенности в действительности моральной сферы.

Это имеет не только теоретическое приложение. В каждом, кто честно относится к жизни, это должно оказывать влияние на его глубочайшие переживания. В области глубочайших переживаний человека процессы, которые являются глубоко подсознательными, оказывают затем разрушающее влияние на основы внутренней уверенности человека, на тот элемент в человеке, который фактически позволяет ему не только думать, что его отношение к миру остаётся прочным, но и чувствовать, и волевать его как таковое. Любой человек, имеющий некоторое представление о том, как всё это складывается, сможет сказать себе: Опустошающие волны, так значимо вырвавшиеся из глубин человеческой жизни в 20-м веке, в конечном итоге имеют своим основанием согласие, совпадение - хотя можно сказать и разногласие - всего, что отдельные люди переживают сами для себя. Катастрофическое время, в котором мы живём, порождается в конечном итоге состоянием и условиями, пребывающими в глубине человеческой души и

сердца. Этот вид внутреннего конфликта не остаётся просто на поверхности душевной жизни как теоретический взгляд. Он проникает в глубины, откуда возникает наша инстинктивная жизнь, жизнь совести. И там этот конфликт трансформируется в чувства, которые находятся в противоречии с существующим порядком на земле, чувства, порождающие беспорядок и антисоциальный подход вместо потенциала к созданию общественных форм.

То, что я сказал сегодня, многими не будет воспринято в полной мере; однако, приняв достаточно непредвзятую точку зрения на то, как человеческий интеллект развивался в течение последних нескольких столетий, возможно предвидеть моральные последствия, тот вид общественной структуры, который возникнет в результате этого конфликта в человеческих душах - причём в ближайшем будущем. Мы никогда не сможем найти ответ на настоящий вопрос о том, почему мы живём в такое беспокойное время, если мы не решимся обнаружить камни построения для того, чем являются в глубине человеческой жизни наши собственные потребности.

Противоположным тому, что я описал, является космическое понимание, искомое в духовной науке Антропософии путём продвижения от Имагинации к Инспирации и Интуиции. Мы сможем увидеть, что духовная наука Антропософии способна подойти к разрешению самого настоящего вопроса современности, который мы только что обсуждали, благодаря тому пониманию, которого, как она считает, она может достичь на своём пути. Я описал путь духовной науки, проходящий через Имагинацию и Инспирацию. И я упомянул упражнения, которые я не могу сейчас описать более подробно, но которые можно найти в моих книгах, которые я тоже называл. Эти упражнения для достижения имажинативного восприятия позволяют включить элемент души и духа в содержание сознания [см. Дополнение ниже - прим. перев.] таким же образом, как наше обычное сознание имеет содержание, пребывая в воспоминании. Проявление воспоминания, будь оно результатом сознательного выбора или непровольного процесса, опирается на нашу физическую и эфирную организацию. В этот момент процессы, происходящие в нашей физической и эфирной организации, становятся достоянием сознания. С помощью упражнений, описанных детально в моих книгах, возможно достичь уже только в душе и духе того, что наша физическая и эфирная организации совершают в обычном процессе воспоминания. В результате возникают идеи, которые чисто формально похожи на идеи воспоминания, но имеющие отношение к объективному внешнему содержанию, а не основанному на личном переживании. Практикуя Имагинацию таким образом, мы подготавливаем себя к достижению понимания настоящего объективного сверхчувственного мира.

Для того, чтобы продвинуться к Инспирации, необходимо затем не только производить в душе и духе идеи, подобные идеям воспоминания, а мы должны будем направить наши усилия к забыванию в душе и духе, к удалению этих Имагинаций из достигнутого сознания. Мы не должны больше практиковать обретение таких Имагинаций, поскольку они не являются реальными, а по собственному желанию удалить их из нашего сознания, так что мы имеем тогда сознание, которое, если можно так сказать, до некоторой степени пусто. Если мы достигнем это, то, усилив эго указанными упражнениями, будем способны продвинуться к обретению откровений объективного сверхчувственного мира.

Тогда как наши прошлые Имагинации были субъективны, теперь в нашем сознании возникают объективные Имагинации. Возникновение таких объективных Имагинаций, обусловленных не нами, а духовной объективностью, - это и есть Инспирация. Мы как бы достигаем границ сверхчувственной сферы, открывающей в этих Имагинациях свой внешний аспект. В области чувственного восприятия мы можем убедиться в реальности объективного внешнего мира, являющегося основой этого мира ощущений. Мы достигаем этого, позволяя всему человеку быть активным в области чувственного восприятия. Таким же образом достигнутые Имагинации открывают для нас с полной убедительностью сверхчувственный мир, выражением которого они являются.

После этого достижение следующей ступени - это вопрос продвижения по указанному пути знания. Мы достигаем этого, не просто расширяя процесс забывания настолько, что мы избавляемся от Имагинаций, а делаем ещё один шаг вперёд. При достижении имагинативного мира первое, что поддается нашему наблюдению - это наша собственная жизнь, её путь. Тогда в нашем сознании мы переживаем не только настоящий момент, а всё течение жизни почти с момента рождения. Если мы затем сможем продвинуться к Инспирации, то обозрение нашей жизни с периода рождения расширяется, и мы воспринимаем сверхчувственный мир, из которого мы пришли в физический, чувственно-воспринимаемый мир благодаря рождению или зачатию. Поле нашего духовного зрения достигает тогда тех миров, где мы жили до рождения или зачатия и будем жить снова, пройдя врата смерти. Обозрение сверхчувственного мира, которому мы принадлежим, открывается благодаря восприятию, данному Инспирацией.

Возможно продвинуть наши усилия ещё далее той ступени, когда мы избавляемся от Имагинаций, содержащих детали обозрения имагинативного мира. Мы можем забыть Имагинацию всего нашего существа как человеческой личности, то есть убрать, если у нас будет достаточно сил для этого, стереть всё, что мы пережили с рождения, что стало коллективным содержанием нашего эго, а также то, что было добавлено, когда наш горизонт расширился до включения духовного мира. Это не только не ослабит эго, а, наоборот, усилит его благодаря самозабвению. И это постепенно приведёт нас в реальность духовного мира, находящегося над миром, воспринимаемым ощущениями. Мы вживаемся в союз с реальностью этого духовного мира. Мы начинаем видеть повторяющиеся земные жизни как то, что показывает эго на разных этапах. И с того момента, как мы смогли забыть эго на его настоящем этапе, то есть превозмочь его имагинативное содержание, мы начинаем видеть вечное 'Я' или эго.

То, о чём говорит Антропософия, происходит не из какого-то туманного мистицизма. Возможно определить каждый шаг на пути к каждому конкретному наблюдению. Этот путь не внешний, он целиком и полностью внутренний. Это также такой путь, который ведёт к познанию реальности, которая является подлинно объективной, хотя и находится за границей чувственного восприятия. Достигая таким образом способности к подлинно интуитивному восприятию, мы по-настоящему и действительно приходим к пониманию своего собственного мышления, фактического процесса формирования идей в повседневной жизни, применяемого нами ко всем чувственным восприятиям. Мы приходим к полной, цельной реальности процесса, который, в определённой степени, можно

представить эмпирически, как я попытался это сделать в книге "Философия свободы". В ней я старался привлечь внимание к чистой мысли, такому мыслительному процессу, который может жить в нас до того, как мы соединили эту конкретную часть нашего мышления с тем или иным внешним восприятием для составления полной картины реальности. Я указал на то, что этот чистый мыслительный процесс как таковой может быть воспринят как внутреннее душевное содержание. Однако, его истинная природа может быть распознана лишь когда в душе на её пути к высшему знанию возникает подлинная Интуиция. Тогда мы можем понять, что происходит в нашем собственном мыслительном процессе. Только благодаря Интуиции мы можем погрузиться в наш собственный мыслительный процесс, ибо Интуиция состоит в погружении всем нашим существом в то, что является сверхчувственным, в погружении себя в этот сверхчувственный элемент.

Тогда мы приходим к восприятию того, что, можно сказать, нам познавательно суждено пережить. Когда мы погружаемся с помощью Интуиции в природу познания, мы переживаем что-то достаточно значительное. Мы приходим к пониманию того, каким образом мы, как люди, организованы с точки зрения материи. Мы узнаём границы нашей физической организации. Благодаря Интуиции мы также видим, что эта физическая организация простирается ровно настолько, чтобы дать, как бы, основание, на котором может развиваться мышление, и что материальные процессы как таковые должны прекратиться везде, где происходит истинное мышление. Насколько материальные процессы прекращаются, настолько это делает возможным для чего-то другого - мышления, формирования идей - занять место, где материальные процессы были подвергнуты разрушению.

Я знаю все возражения, которые могут быть выдвинуты против того, что я сейчас говорю, однако интуитивное восприятие позволяет нам увидеть, что в отношении физической сферы там, где развиваются мыслительные процессы, материальное наблюдение увидит просто ничто. Это приводит нас к тому, чтобы сказать: когда я думаю, я не существую - если считать материальное существование, которое обычно только и учитывается, единственно обоснованной формой существования. В организме материя сначала должна удалиться и дать место мышлению, формированию идей; только тогда это мышление, формирование идей получают возможность развернуться в человеке. Следовательно там, где мы видим мышление в его реальной форме, мы видим деградацию, разрушение материального бытия. Мы обретаем понимание того, как материя превращается в ничто.

Здесь мы достигаем предела закона сохранения материи и энергии. Необходимо знать границы этого закона, чтобы мы могли иметь смелость, когда нужно делать утверждения, противоречащие ему. Никогда нельзя будет непредвзято понять существенную природу мышления там, где материя уничтожается, если считать закон сохранения материи абсолютным, если не знать, что он применим в сфере того, что можно наблюдать внешне в области физики, химии и т.д., но что он не применим там, где в нашей человеческой организации выходит на сцену мышление. Если бы не было необходимым представить результаты этих исследований в нынешнее время, я, по тем или иным причинам, не стал бы подвергать себя всем насмешкам и возражениям, исходящих от тех, кто в

нынешних условиях считает закон сохранения материи и энергии абсолютным и применимым повсеместно.

Итак, с одной стороны, Интуиция открывает нам отношение мышления к обычной материи, окружающей нас в физическом мире. С другой стороны, Интуиция также открывает нам отношение Инспирации, принадлежащей духу, к сфере человеческих чувств, ритмической жизни человека. В области нервов и ощущений происходит уничтожение физической материи. В результате область нервов и ощущений может предоставлять основание для формирования идей, мышления. Вторая система в человеке - это ритмическая система. На уровне души, жизнь чувств человека связана с ней так же, как жизнь мышления связана с областью нервов и ощущений. Взаимоотношение между объективным миром вне человека, подход к которому даёт Инспирация, и самим человеком показывает нам, что благодаря Инспирации мы начинаем осознавать космическую сущность, проникающую в нас своим влиянием, так же, как мир, воспринимаемый в ощущениях, проникает в нас и проявляется в формировании идей. Этот вдохновенный [от *inspirare* (лат.): вдыхать - прим. перев.] мир входит в нас, в частности, через дыхательный процесс, ритмы которого продолжаются в процессах, происходящих в мозгу и остальном организме.

Тогда мы приходим к пониманию ритмического элемента, живущего в человеке. Материя здесь не отмирает, как в мыслительном процессе, а жизнь, как бы, парализуется и должна разгораться снова и снова. Обычный, чисто механический дыхательный ритм основан на внутреннем ритме, который в виде некоторого дуализма разделяется на физический процесс дыхания и душевный процесс чувства. С одной стороны - в душе, с другой - в ритмах нашего дыхания, мы воспринимаем единство этого чувственного процесса, который имеет объективное существование в Инспирации и может быть познан с помощью Интуиции. Другими словами, мы начинаем видеть цельную картину того, как мир чувств и ритмический элемент в человеке связаны друг с другом, и также то, что здесь материальный элемент не отменяется совершенно, как в нервах и ощущениях, а лишь частично парализован. Так, постепенно, мы начинаем видеть и понимать всего человека. Мы смотрим на жизнь чувств человека и видим там то, что может существовать благодаря тому, что жизнь вновь и вновь, в ритмической последовательности, парализуется и должна снова разгораться.

Таким образом, когда мы видим как оживляющие и парализующие процессы действуют в согласии, нам открывается второй важный элемент в природе человека. Мы понимаем значение всего того, что является ритмическим в человеке и как это связано с истинным существом человека в душе и теле. Тем не менее, когда мы начинаем наблюдать этот второй элемент в человеке, нам становится ясно, что человек несёт в себе реальную силу, которая находится в ритмическом взаимодействии с внешней силой, лежащей в сверхчувственной сфере. Мы видим как внешняя и внутренняя силы двигаются по направлению к нам и обратно. Подобным же образом можно наблюдать человека в его метаболизме и конечностях.

Поднимаясь к Инспирации, Интуиции и Имагинации, мы видим в душе и духе реальные силы, которые обычно действуют бессознательно в человеке. Наше обычное, привязанное к объектам восприятие даёт только формальные элементы;

мы, как бы, просто присматриваемся к миру. То же, чего мы достигаем благодаря Имагинации, Интуиции и Инспирации, является, прежде всего, независимым продуктом нашей внутренней души, однако в сверхчувственном восприятии мы находим отношение этого к тому, что является объективным в человеке, так что мы можем увидеть, как действует человеческая воля, когда мы действуем морально. Уразумев, прежде всего, что чистая мысль представляет собой уничтожение материи и вообще связана с процессами отмирания, сворачивания, мы начинаем понимать, что всё, имеющее воле-подобные качества, связано с процессами анаболизма (восстановления) - с процессами роста. Процессы роста и анаболизма, организации и репродукции снижают наше обычное сознательное восприятие в глубине человеческой организации, а из тех глубин человеческой природы, которых не достигает обычное сознание, и возникает воля. Наше мышление живёт в той сфере, куда входит смерть; воля живёт в сфере роста, здорового развития, плодоношения.

Тогда, с помощью Интуиции, можно увидеть, как из метаболизма и посредством воли - которая, однако, теперь мотивируется чистой мыслью - материя выталкивается в то место человеческого организма, где она должна быть уничтожена. Деятельность мышления, как таковая, разрушает материю; воля её восстанавливает. Но она делает это таким образом, что первоначально на протяжении жизни в её движении к смерти восстановительные процессы остаются скрытыми в человеческой организации. Но восстановительный процесс присутствует. Когда же мы в наших моральных намерениях достигаем истинно независимых моральных Интуиций, как это описано в "Философии свободы", мы, на базе нашей организации, живём жизнью, в которой, благодаря волевой деятельности, трансформированная материя замещает разрушенную материю. Человек развивает внутреннюю созидательность, восстанавливающие процессы. Другими словами, мы видим как в космосе в рамках человеческой организации ничто заполняется заново сформированными элементами в абсолютно материальном смысле. Это означает ни более, ни менее того, что, последовательно двигаясь путём Антропософии, мы достигаем того уровня, где чисто моральные идеалы воздействуют на космическое творение внутри человека вплоть до материальности.

Итак, мы увидели, где моральный мир сам по себе становится созидательным, где возникает что-то, что, исходя из человеческой нравственности, обеспечивает собственную реальность, потому что оно само несёт её в себе, само её создаёт. Когда мы затем начинаем наблюдать окружающий мир в свете этой Интуиции, мы видим, что, прежде всего, минеральное царство находится в процессе умирания, разложения. Этот процесс мы хорошо знаем по материальному процессу, соответствующему нашему собственному мыслительному процессу. Затем мы видим, что этот процесс разложения охватывает также и растительную, и животную жизнь. Здесь мы размышляем не в терминах тепловой смерти, - хотя, в некоторых пределах, это и имеет место - а смотрим на исчезновение всего проникнутого минералами мира, окружающего нас. Мы видим, что мир, который, как нам представляется, построен на законах причинной необходимости, подвержен разрушению; и мы видим другой мир, который на основе того мира, который умирает, мы восстанавливаем, исходя из чисто нравственных идеалов. Другими

словами, теперь мы можем видеть, какое отношение моральный мировой порядок имеет к мировому порядку, построенному на физической причинности. Морально чистая воля есть такой элемент в человеческой природе, который преодолевает причинность в самом человеке, а, следовательно, также и для всего мира.

При честном рассмотрении объяснения природы, основанного на причинности, в мире не остаётся места, где бы это объяснение не было бы действительным в той или иной частной сфере. И, поскольку оно там действительно, должна быть сила, разрушающая его действительность. Этой силой является моральная сфера. Моральная сфера, распознаваемая в цельной природе человека, имеет в себе силу преодолеть естественную причинность, - однако, не путём совершения чудес, а в процессе эволюции. Элемент, предстающий в индивидуальном человеческом существе как разрушитель причинности, получит реальное значение только в будущих мирах. Однако, мы видим реальность человеческой воли, вступающей в союз с чистой мыслью. Это предоставляет нам наиболее удивительный жизненный плод, достижимый благодаря научному подходу, используемому в Антропософии, - представление о значимости человека внутри космоса, а также ощущение значения и достоинства человека внутри космоса.

Вещи в мире связаны не просто так, как мы часто себе представляем, основываясь на используемых нами абстрактных концепциях. Нет, они связываются как нечто реальное. Одной из таких реальных и очень важных вещей является следующее. Конечно, не каждый сможет сегодня продвинуться к Имагинации, Инспирации и Интуиции. Но одна вещь, которую мы проносим с собой через все стадии познания как духовные исследователи, - это мыслительный процесс, в котором одна мысль развивается из другой с внутренней необходимостью. Это форма мышления, которую каждый человек может испытать на себе, если попытается войти в неё без предвзятости. И поэтому все открытия духовной науки, после того как они были сделаны, могут быть проверены применением к ним чистого мышления, поскольку духовный исследователь использует это чистое мышление во всех элементах идей, которые он формирует.

В контексте всего того, что я вам представил, можно сказать, что одновременно с этим один частный элемент развивается в человеческой душе, что, прежде всего, можно рассматривать просто как подтверждение антропософской духовной науки. Другие идеи, формируемые человеком, исходят из внешних восприятий или основываются на таких внешних восприятиях. Такая жизнь идей поддерживается внешними восприятиями. Есть, однако, сегодня люди, которые, опираясь на мысли и философские привычки очень недавнего времени, абсолютно отказываются признать, что что-либо вообще может быть дано человеку без поддержки внешнего восприятия. Нам останутся лишь абстракции, не имеющие отношения к жизни, если мы откажемся признать, что человек может разбираться также в существенных вопросах, если он предаёт себя своему собственному чистому мышлению, которое организует само себя и конкретно возникает само из себя. Следует признать, что тогда он сможет глубоко усвоить концепции, которые обнаруживает духовная наука благодаря Имагинации, Инспирации и Интуиции, и о которых обыватели говорят, что это лишь игра воображения, не отражающая реальности.

Обыватель чересчур пассивен для того, чтобы постараться проникнуть своей мыслью в реальность, которую духовный исследователь открывает с помощью Имагинации, Инспирации и Интуиции. Тем не менее эта реальность является тесно связанной с природой человека. Нам нужно достичь способности усваивать антропософские концепции, которые не имеют соответствия во внешнем мире, воспринимаемом ощущениями, и которые мы должны переживать свободно в нашем сознании. Чувство и отношение сознания необходимые для этого дадут новые существенные черты природе всего нашего существа.

Как только духовная наука войдёт в культурную жизнь, станет заметно, что, поскольку то, что воспринимается Имагинацией, Инспирацией и Интуицией, является живой сущностью внутри самого человека, как я показал, - то духовная наука непосредственно захватывает живое внутреннее существо человека, и он, усваивая её, способен испытать внутреннюю метаморфозу и трансформацию. Он становится внутренне богаче. Мы можем почувствовать как обогащается его жизнь, когда он позволяет войти в себя элементу, который не может быть произведён внешней физической действительностью. Наполняясь этим элементом, который протекает через всё наше человеческое существо, мы обращаемся затем к окружающим нас людям. Мы обретаем понимание человека, которого мы не имели ранее, но, прежде всего, мы обретаем любовь к окружающим нас людям. Любовь к людям - вот что понимание, обретаемое антропософской духовной наукой, обращённой к сверхчувственной сфере, может пробудить в нас, любовь к людям, которая преподаёт нам значение человека и позволяет осознать ценность и достоинство человека.

Представление о значении человека, внутреннее осознание достоинства человека и деятельность воли в любви к людям - вот самые прекрасные жизненные плоды, которые могут взрасти и созреть в человеке, когда он пропускает через себя результаты открытий, сделанных духовной наукой.

Тогда духовная наука действует на волю таким образом, что эта воля может достичь того, что я в "Философии свободы" назвал моральными Интуициями. Что-то очень значительное входит в жизнь человека, ибо эти моральные идеалы наполнены тем же, что мы называем любовью, и мы можем становиться людьми, действующими свободно исходя из любви, на которую способна наша индивидуальная личность. Тогда духовная наука приближается к идеалу, который возник во времена Гёте, хотя более ясно его выразил друг Гёте Шиллер. Глубоко изучая философию Канта, Шиллер смог взять у Канта очень многое в отношении теоретической философии. Но когда дело доходило до этической философии Канта, он не мог с ним согласиться. Шиллер обнаружил в этической философии Канта жёсткую концепцию долга, представленную Кантом таким образом, что долг предстаёт как природная сила, что-то заставляющее человека. Шиллер осознавал значение человека, ценность и достоинство человека, и не мог согласиться, что, для того, чтобы быть моральным, человек должен находиться под духовным принуждением. Шиллер написал замечательные слова: "Я рад служить своим друзьям, но, к сожалению, я склонен так поступать, и мне бывает досадно, что я не добродетельный человек". [Schiller, "Xenien"] Кант, в понимании Шиллера, постулировал, что человек должен прежде всего постараться подавить любое

чувство пристрастия по отношению к другу, а затем делать то, что он делает, исходя из жёсткого понятия о долге.

Шиллер чувствовал, что отношение человека к нравственности должно быть отличным от предложенного Кантом. Насколько это было возможно в его время, он определил свою концепцию этого в своих письмах "Об эстетическом воспитании человека", стараясь показать как долг должен опуститься и стать склонностью, а склонность должна возвыситься, чтобы мы могли развить любовь к тому, что является содержанием долга. Он говорил, что в свободном человеке, который склонен делать то, что следует делать в интересах всего человечества, долг должен опуститься, а естественный инстинкт возвыситься. Если мы поищем корни моральных Интуиций в человеческой природе, фактический импульс, этическую мотивацию этих моральных Интуиций, мы найдём любовь - любовь, ставшую настолько чистой, что она достигает духовного. Там, где эта любовь становится духовной, она впитывает в себя моральные Интуиции, и тогда мы являемся моральными людьми настолько, насколько мы любим свой долг и насколько долг становится тем, что возникает из человеческой индивидуальности как непосредственная сила. [virtu(лат.): добродетель, но также и сила - прим. перев.] Вот это и подтолкнуло меня к тому, чтобы в книге "Философия свободы" представить определённый антитезис этической философии Канта, причём сделать это исходя из Антропософии. Тезисом Канта было: "Долг! Величественное и возвышенное слово, ничего нет в тебе от предпочтения, лести, но ты требуешь подчинения,(...) ты устанавливаешь закон,(...) перед которым любое предпочтение застывает в молчании, хотя бы оно ему и противоречило". [Из "Критики практического разума" - прим. перев.]

Если бы у человека было такое понятие о долге, он никогда не смог бы взрастить к духу, становиться в своём внутреннем существе свободным зачинателем своих моральных действий. В попытке описать человеческую природу на основе настоящего понимания человека в Антропософии, я противопоставил этой жёсткой концепции Кантианства другую, которую вы можете найти в книге "Философия свободы": "Свобода! Доброе и поистине человеческое слово, ты содержишь в себе всё, что нравственно предпочтительно, что делает мне честь быть человеком; ты не оставляешь меня в подчинении, ты не просто устанавливаешь закон, но замираешь в ожидании, чтобы увидеть что же моя нравственная любовь сама признает как закон, зная, что она чувствует себя несвободной перед лицом любого закона, наложенного на неё извне".

Вот что, мне казалось, я должен был сказать в "Философии свободы" и предложить мысль о том, что нравственный элемент проявляется в полнейшей степени и в согласии со значением и достоинством человека, когда этот элемент соединён с человеческой свободой, коренящейся в истинной любви к людям. Антропософия способна показать, каким образом эта любовь к долгу в более широком смысле становится любовью к людям и, следовательно, настоящей закваской в общественной жизни, которую мы и рассмотрим далее. Огромный, насущный социальный вопрос, предстающий перед нами в настоящее время, может быть полностью осознан лишь если мы приложим усилия для того, чтобы понять как соотносятся свобода, любовь, природа человека, дух и естественный закон.

Приложение

(Из начала следующей лекции: Штуттгарт, 6 сентября 1921 г.):

"Имагинативное, инспиративное и интуитивное восприятие, которые я пытался вам описать предоставляют человеку результаты сверхчувственных исследований, ведущих его к его собственной существенной природе. Однако, следует подчеркнуть, что вопрос не в достижении Имагинации, Инспирации и Интуиции как таковых. Это всего лишь инструменты для исследования сверхчувственного мира, так же как весы и единицы измерения являются инструментами в физическом мире. Вопрос в том, чтобы развить эти инструменты исследования духовной науки таким образом, чтобы мы брали отправной точкой то, что уже присутствует в нашем обычном, каждодневном сознании, - сознании, на котором основана обычная наука. Нужно, однако, правильным образом подняться к этому обычному сознанию, в котором существует потенциал для реальных, свободных от чувственности идей, могущих быть постигнутыми сознанием. Всё, что нужно, это принести высшую жизнь в элемент, оставляемый без внимания обычным сознанием, и это откроет путь к сверхчувственным мирам. Каждый, кто желает сам стать духовным исследователем, должен прежде всего следить за тем, чтобы он придерживался полного сознания в отношении того же элемента, который требуется и для истинного исследования в физическом мире, если мы хотим, чтобы такое исследование принесло результаты, находящиеся в согласии с действительностью".

Прим. перев. - Термин "сверхчувственный" на протяжении данной лекции и в контексте других работ Рудольфа Штайнера означает не то, что чувства не присутствуют в духовном исследовании, а что такое исследование осуществляется помимо физических органов чувств и ощущений.